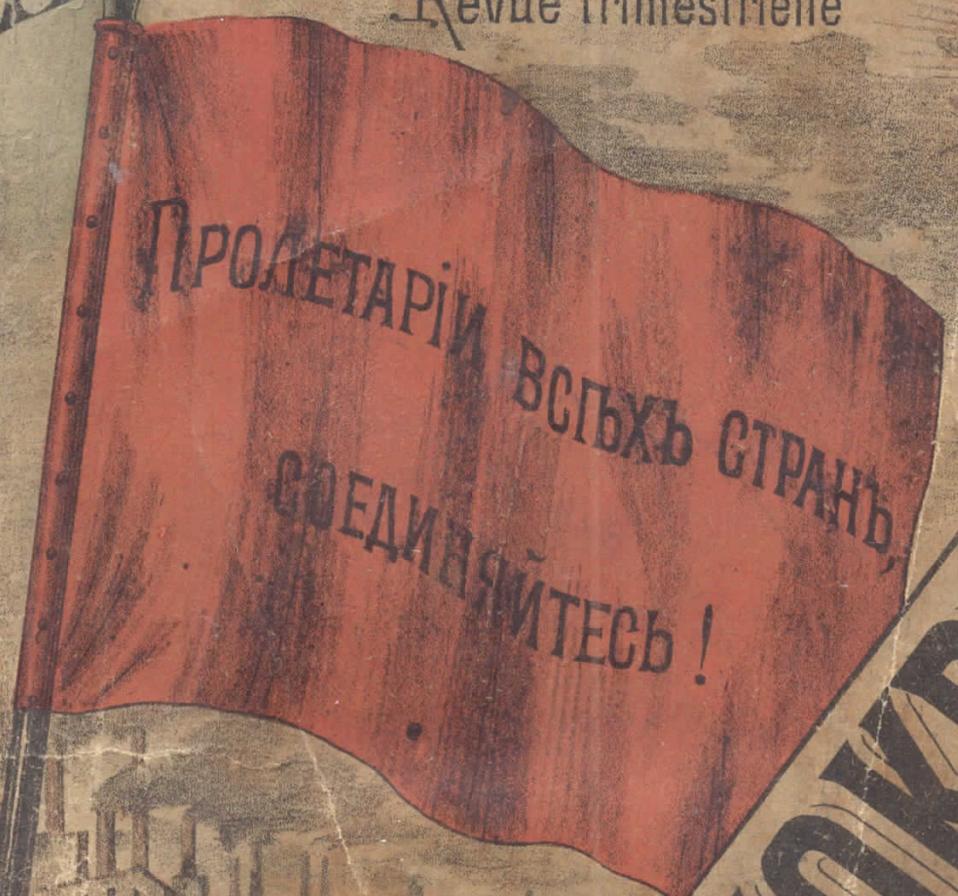

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE.

Revue trimestrielle

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N° 1

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМСКРАТА”

1890

П 12150.

Russischer Leseverein

LE

93

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

ЛОНДОНЪ
Типографія "Соціаль-Демократа"
1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи, переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища.	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса.	41
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ	108

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА.

Мы, члены западно-европейской рабочей партіи, вдвойнѣ заинтересованы въ побѣдѣ революціи въ Россіи.

Во-первыхъ потому, что русское царство составляетъ главнѣйшую крѣпость, запасную позицію и вмѣстѣ резервную армию европейской реакціи, и уже однимъ своимъ пассивнымъ существованіемъ является для насъ постоянной угрозой и опасностью.

Во-вторыхъ, — и на этотъ пунктъ съ нашей стороны не было до сихъ поръ обращено достаточнаго вниманія — мы заинтересованы въ побѣдѣ русской революціи потому, что царская Россія, своимъ непрерывнымъ вмѣшательствомъ въ западныя дѣла, задерживаетъ и извращаетъ нормальный ходъ нашего развитія, и дѣлаетъ это съ цѣлью пріобрѣсти для себя такое географическое положеніе, которое обезпечило бы за нею господство надъ Европой и сдѣлало бы невозможной побѣду европейскаго пролетаріата.

Карль Марксъ впервые указалъ на это и съ 1848 года настойчиво напоминалъ западно-европейской рабочей партіи о неизбѣжной для нея борьбѣ не на жизнь а на смерть съ русскимъ царизмомъ. Это составляетъ одну изъ многихъ его заслугъ. Дѣйствуя въ томъ же направленіи, я и тутъ лишь

предъ измѣнами, тайными убійствами и всякими низостями, не скупясь на подкупы, не заносясь при побѣдахъ, не теряясь при пораженіяхъ, шагая чрезъ милліоны солдатскихъ и, по меньшей мѣрѣ, одинъ царскій трупъ, эта шайка бездомныхъ авантюристовъ сдѣлала больше чѣмъ всѣ царскія арміи для перенесенія русскихъ границъ отъ Днѣпра и Двины за Вислу, къ Пруту, Дунаю и Черному морю, отъ Дона и Волги за Кавказъ, къ истокамъ Оксуса и Яксарта. Гораздо больше чѣмъ всѣ арміи способствовала эта, настолько же безсовѣстная, насколько и даровитая шайка тому, чтобы сдѣлать Россію громадной, сильной и страшной для всѣхъ враговъ, и открыть ей путь ко всемірному господству. Но тѣмъ же самымъ она усилила царскую власть и внутри страны. Въ глазахъ патріотически настроенной массы публики слава слѣдующихъ одна за другой побѣдъ, могущество и блескъ царизма съ избыткомъ перевѣшиваютъ всѣ прегрѣшенія правительства, весь его деспотическій произволъ и всѣ несправедливости. Шовинистское хвастовство вознаграждаетъ за всѣ пинки. И это тѣмъ легче, чѣмъ меньше извѣстны въ Россіи дѣйствительныя причины ея успѣховъ, чѣмъ полнѣе замѣняются здѣсь всѣ фактическія свѣдѣнія оффиціально вымышленными легендами. Впрочемъ, заботливыя правительства (напр. французское и прусское) всегда стараются о распространеніи подобныхъ легендъ для блага подданныхъ и поднятія ихъ патріотическихъ чувствъ. И каждый русскій, придерживающійся исключительныхъ патріотическихъ воззрѣній, будетъ рано или поздно доведенъ своими воззрѣніями до колѣнопреклоненій передъ царизмомъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ Тихомирова.

Но какимъ же образомъ шайка авантюристовъ могла приобрести такое сильное вліяніе на ходъ европейской исторіи? Очень простымъ. Шайка не создала, конечно, ничего новаго, она только правильно поняла существующее положеніе вещей и разумно имъ воспользовалась. Всѣ успѣхи русской дипломатіи вытекали изъ совершенно опредѣленной матеріальной основы.

Представимъ себѣ Россію въ половинѣ прошлаго столѣтія. И тогда уже это была громадная страна, обитаемая племенемъ, рѣдкимъ по своей однородности. Въ виду быстрого роста ея, пока еще очень рѣдкаго населенія, уже самый ходъ времени обезпечивалъ увеличеніе ея могущества. Это населе-

ніе находилось въ полнѣйшемъ умственномъ застоѣ, который лишалъ его всякой инициативы. Но въ предѣлахъ стараго, отъ предковъ унаслѣдованнаго быта, правительство могло его употребить рѣшительно на что угодно. Выносливые, храбрые, покорные и терпѣливые, русскіе представляли собою превосходный матеріаль для выработки изъ нихъ такихъ солдатъ, какіе требовались въ войнахъ того времени, когда сомкнутыя массы рѣшали судьбу битвъ. Сама страна, лишь одной своей западной границей обращенная къ Европѣ и открытая для ея нападений, при этомъ лишенная центра, занятіемъ котораго можно было бы вынудить ее къ миру, была по отсутствію дорогъ, по своимъ громаднымъ пространствамъ и по своей бѣдности, почти совершенно недоступна ни для какихъ завоеваній. Такая страна представляла совершенно неприступную позицію, съ которой каждое, умѣющее ею пользоваться правительство могло безнаказанно дозволять себѣ по отношенію къ Европѣ такія вещи, которыя вовлекли бы всякую другую страну въ безконечныя войны.

Сильная до неприступности въ оборонѣ, Россія была сравнительно слаба въ нападении. Организациа, сборъ, вооруженіе и передвиженіе армій внутри страны были чрезвычайно затруднительны, и къ матеріальнымъ препятствіямъ присоединялось еще безграничное взяточничество чиновниковъ и офицеровъ. Всѣ попытки сдѣлать Россію способной къ большимъ завоевательнымъ войнамъ были до сихъ поръ неудачны, и при всеобщей воинской повинности будутъ, по всему вѣроятію, еще неудачнѣе. Можно сказать, что здѣсь всѣ препятствія растутъ какъ квадраты массы, которую нужно организовать. При этомъ, значительность городского населенія не позволяетъ имѣть необходимое число офицеровъ, которые нужны теперь въ такомъ громадномъ количествѣ. Русская дипломатія никогда не забывала объ этой относительной слабости Россіи, всегда старалась избѣгать войнъ и допускала ихъ лишь въ крайнихъ случаяхъ и при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Благопріятны же для Россіи лишь такія условія, при которыхъ ея союзники несутъ главнѣйшія тяжести войны и выставляютъ наибольшія арміи, при чемъ русскія войска, въ качествѣ резервовъ, не участвуютъ въ большинствѣ битвъ, но за то во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ на ихъ долю выпадаетъ не связанная съ большими пожертвованіями честь рѣ-

шать своимъ появленіемъ окончательный исходъ дѣла. Такъ было въ войнахъ 13 — 15 годовъ. Но не всегда же можно имѣть такую удобную войну, поэтому русская дипломатія предпочитаетъ пользоваться для своихъ цѣлей противоположностью интересовъ и несогласіями европейскихъ державъ, натравляя ихъ однѣ на другія и эксплуатируя ихъ вражду въ пользу завоевательной политики Россіи. Только противъ несомнѣнно слабѣйшихъ противниковъ, въ родѣ шведовъ, турокъ или персовъ, русское правительство предпринимаетъ самостоятельныя военныя дѣйствія и забираетъ за то всю добычу.

Но возвратимся къ Россіи 1760-го года. Сосѣдями этой однородной, неприступной страны были государства, находившіяся въ полнѣйшемъ упадкѣ, близкія, повидимому, къ разложенію и представлявшія поэтому настоящую *matière a conquêtes*. Силѣ и обаянію Швеціи былъ нанесенъ ударъ именно попыткой Карла XII внести войну внутрь Россіи; этимъ походомъ онъ обезсилилъ свою страну и сдѣлалъ очевидной неустойчивость своего противника. Южные сосѣди Россіи, турки и ихъ данники, крымскіе татары, представляли собою лишь развалины прошлаго величія. Завоевательная сила турокъ была сломлена уже сто лѣтъ тому назадъ; ихъ оборонительная сила была еще значительна, но она постоянно убывала и лучшимъ признакомъ этого ослабленія могли служить начавшіяся волненія христіанскихъ подданныхъ Турціи, славянъ, румыновъ и грековъ, составлявшихъ въ совокупности большинство населенія Балканскаго полуострова. Почти всѣ эти христіане придерживались греческаго вѣроисповѣданія, были слѣдовательно единовѣрцами русскихъ, а славяне, сербы и болгары, были кромѣ того еще и ихъ единоплеменниками. Россіи достаточно было, поэтому, лишь заявить во всеуслышаніе о своемъ призваніи защищать угнетенное православіе и поработенное славянство, чтобы подъ покровомъ освобожденія создать себѣ почву для завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ. На югѣ Кавказа подъ турецкимъ владычествомъ находилась Арменія и нѣсколько другихъ маленькихъ христіанскихъ земель, дававшихъ Россіи прекрасный предлогъ и здѣсь также явиться „освободительницей“. Въ перспективѣ за всѣми этими „освобожденіями“ красовался такой призъ, равнаго которому не было въ Европѣ. Этимъ побѣднымъ трофеемъ должна была

явиться древняя столица Восточной Римской Имперіи, метрополя всего греко-восточнаго православія, городъ, самое имя котораго на русскомъ языкѣ говоритъ о связанномъ съ нимъ господствѣ надъ Востокомъ и выражаетъ всю обаятельность обладанія этимъ городомъ для восточныхъ христіанъ: Царьградъ, — Константинополь.

Но Царьградъ въ качествѣ третьей столицы Россіи, рядомъ съ Москвой и Петербургомъ, означалъ бы не одно только нравственное вліяніе царизма на восточное христіанство; онъ былъ бы для Россіи ближайшимъ этапомъ къ господству надъ цѣлою Европой. Съ Царьградомъ Россія пріобрѣла бы исключительное господство надъ Чернымъ моремъ, Малой Азіей и Балканскимъ полуостровомъ. Одиного желанія царя было бы тогда достаточно, чтобы запереть Черное море для всѣхъ, какъ торговыхъ, такъ и военныхъ флотовъ, за исключеніемъ русскаго, чтобы превратить это море въ русскую гавань, въ мѣсто для маневровъ ея военнаго флота, который по желанію могъ бы тогда, чрезъ укрѣпленный Босфоръ, дѣлать неожиданныя вылазки и снова скрываться въ свое безопасное убѣжище. Тогда Россіи оставалось бы пріобрѣсти такое же господство надъ Зундомъ и Бельтами, чтобы сдѣлаться неприступной также и на морѣ.

Обладаніе Балканскимъ полуостровомъ привело бы Россію къ Адриатическому морю. Сохраненіе такой границы на Юго-Западѣ было бы невысказано безъ соответствующаго передвиженія всей западной границы Россіи и безъ расширенія общей сферы ея могущества на Западѣ. Но съ этой стороны положеніе дѣлъ было еще благопріятнѣе, чѣмъ на Югѣ. Ближе всего лежала здѣсь разрываемая беспорядками Польша, дворянская республика, основанная на угнетеніи крестьянъ, не способная по своей конституціи ни къ какому общенациональному дѣйствію и тѣмъ самымъ предназначенная стать легкой добычей своихъ сосѣдей. Съ самаго начала восемнадцатаго столѣтія Польша, по словамъ самихъ поляковъ, жила беспорядками (*Polska nierządem stoi*) Иностранныя войска непрерывно то останавливались въ ней на постой, то проходили чрезъ ея области. Польша служила для этихъ войскъ, какъ говорятъ поляки, „корчмой заѣзжей“ (*Karczma zajezdna*), только посѣтители корчмы забывали обыкновенно объ уплатѣ. Уже Петръ Великій систематически разорялъ Польшу — его на-

слѣдникамъ оставалось только хорошенько схатить добычу. И для этого у нихъ имѣлся прекрасный предлогъ въ „національномъ принципѣ“. Польша не была цѣльнымъ, одноплеменнымъ государствомъ. Въ то время, когда Великороссія попала подъ монгольское иго, Бѣлороссія и Малороссія нашли себѣ защиту отъ азіатскаго нашествія въ присоединеніи къ такъ называемому Литовскому княжеству. Это княжество впоследствии добровольно соединилось съ Польшей. Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ высшей цивилизаціи Польши, дворянство Бѣлороссіи и Малороссіи сильно ополячилось, а въ XVI-мъ вѣкѣ, во время владычества въ Польшѣ іезуитовъ, ея православные подданные были принуждаемы къ соединенію съ римской церковью. Все это дало великорусскимъ царямъ желанный поводъ предъявлять права на области, составлявшія когда-то Литовское княжество, какъ на русскія по національности и угнетаемыя поляками, хотя по мнѣнію величайшаго изъ современныхъ славянистовъ, Миклошича, малорусскій языкъ совершенно самостоятеленъ и не можетъ считаться простымъ нарѣчіемъ русскаго языка. Вторымъ предлогомъ вмѣшиваться въ дѣла Польши была защита православія въ лицѣ униатовъ, хотя послѣдніе уже давно примирились со своимъ положеніемъ относительно римской церкви.

За предѣлами Польши лежала другая страна, находившаяся, повидимому, въ такомъ же безнадежномъ положеніи. Со времени тридцатилѣтней войны Римско-Германская Имперія оставалась государствомъ лишь по имени. Власть имперскихъ князей все болѣе и болѣе приближалась къ полному самодержавію. Ихъ право противиться волѣ императора, замѣнявшее въ Германіи польское *liberum veto*, было опредѣленно упомянуто въ условіяхъ Вестфальскаго мира и поставлено подъ защиту Франціи и Швеціи. Усиленіе центральной власти въ Германіи зависѣло, слѣдовательно, отъ согласія иностранныхъ державъ, для которыхъ было очень выгодно никогда не допускать этого усиленія. Къ тому же Швеція, въ силу своихъ завоеваній въ Германіи, имѣла мѣсто и голосъ на имперскомъ сеймѣ и являлась его полноправнымъ членомъ. Въ каждой войнѣ императоръ въ числѣ союзниковъ своихъ чужеземныхъ враговъ встрѣчалъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ владѣтелей, превращавшихъ такимъ образомъ каждую войну въ междоусобіе. Почти всѣ крупныя и средніе владѣтельные дома Герма-

ни находились на откупѣ у Людовика XIV-го и экономическое положеніе ихъ владѣній было до такой степени разстроено, что безъ французскаго золота, ежегодно приливавшаго въ Германію, благодаря продажности ея правительствъ, въ странѣ вовсе не было бы денегъ для внутренняго обращенія. Германскій императоръ давно уже искалъ опоры для своей власти не въ имперіи, ничего не дававшей ему, кромѣ заботъ и расходовъ, а въ своихъ австрійскихъ — нѣмецкихъ и не нѣмецкихъ — наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Рядомъ съ Австріей начинала уже выдѣляться въ Германіи и ея соперница Пруссія.

Таково было положеніе дѣлъ ко времени Петра Великаго. Петръ былъ дѣйствительно великій человѣкъ, неизмѣримо болѣе великій, чѣмъ „великій“ Фридрихъ, покорнѣйшій прислужникъ продолжательницы дѣла Петра — Екатерины II.

Петръ прекрасно оцѣнилъ необычайно благоприятное для Россіи положеніе дѣлъ въ Европѣ. Онъ съ такою же проникательностью понялъ интересы Россіи и установилъ въ общихъ чертахъ ея политику по отношенію къ Германіи, какъ и по отношенію къ Турціи, Польшѣ и Персіи. Его политическая система гораздо яснѣе выражается въ его дѣятельности, чѣмъ въ такъ называемомъ завѣщаніи его, составленномъ, по видимому, какимъ то эпигonomъ. Германія занимала Петра больше чѣмъ какая бы то ни было другая страна, за исключеніемъ Швеціи. Сломить шведовъ было необходимо, и онъ достигъ этого. Польша не представляла затрудненій; чтобы захватить ее, стоило только протянуть руку; очередь Турціи еще не наступила; Петръ стремился главнымъ образомъ стать твердой ногой въ Германіи, занять тамъ то положеніе, которое такъ широко эксплуатировала Франція и для пользованія которымъ Швеція была уже слишкомъ слаба. Онъ очень старался о приобрѣтеніи какой нибудь нѣмецкой области, которая ввела бы его въ число нѣмецкихъ князей; но въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха. Ему удалось лишь ввести систему браковъ между членами русскаго царствующаго дома и нѣмецкими владѣтельными домами и положить начало дипломатической эксплуатаціи всѣхъ внутреннихъ раздоровъ въ Германіи. Послѣ Петра положеніе нѣмецкихъ дѣлъ значительно ухудшилось въ пользу Россіи, вслѣдствіе усиленія Пруссіи. У императора внутри самой имперіи выросъ почти равный ему по

силѣ противникъ, существованіе котораго увѣковѣчивало и обостряло раздѣленіе Германіи. Этотъ противникъ былъ въ то же время слишкомъ слабъ, чтобы держаться безъ помощи Франціи, а главнымъ образомъ Россіи. Поэтому, чѣмъ полнѣе освобождалась Пруссія отъ своихъ вассальныхъ отношеній къ Германской имперіи, тѣмъ вѣрнѣе попадала она въ вассальное отношеніе къ Россіи. Такимъ образомъ въ Европѣ оставалось лишь три государства, съ которыми Россіи приходилось считаться: Австрія, Франція и Англія. Ссорить ихъ между собою и подкупать приманками новыхъ областей было не трудно. Франція продолжала еще соперничать съ Англіей на морѣ; ее можно было также поймать на удочку новыхъ владѣній въ Бельгіи и Германіи. Отличной приманкой для уловленія Австріи могли служить обѣщанія всякихъ выгодъ и преимуществъ, которыя она должна получить въ ущербъ Франціи, Пруссіи, а со времени Іосифа II, также Баваріи. Столкновенія между этими державами, при умѣнн русскою дипломатіи пользоваться ими, приносили Россіи большіе выгоды, чѣмъ могли бы принести какіе бы то ни было союзники. И лицомъ къ лицу съ этими разлагающимися пограничными странами, съ этими запутанными въ безконечныя препирательства великими державами, раздѣленными преданіями, экономическими, политическими и дипломатическими интересами и стремленіями къ завоеваніямъ, стояла Россія, цѣльная, однородная, юная и быстро развивающаяся, къ тому же нецивилизованная, покорная, представлявшая собою прекрасный матеріалъ для обработки. Какія заманчивыя условія представляла такая страна для талантливыхъ и честолюбивыхъ людей, стремившихся къ могуществу гдѣ бы и какого бы рода ни было, лишь бы только это было дѣйствительное могущество, лишь бы они имѣли настоящую арену для своихъ талантовъ и честолюбія! И такихъ людей въ изобиліи производилъ „просвѣщенный“ восемнадцатый вѣкъ. Состоя на службѣ „человѣчества“, эти люди разъѣзжали тогда по Европѣ, посѣщая дворы просвѣщенныхъ государей — а какая же владѣтельная особа не желала въ то время быть просвѣщенною? — и устраивались тамъ, гдѣ находили благоприятныя условія. Это былъ своего рода дворянско-буржуазный, бездомный и бродячій интернаціоналъ просвѣщенія. Этотъ интернаціоналъ палъ къ ногамъ Семирамиды Сѣвера, также не имѣвшей отечества Софіи Августы Ангальтъ-

Цербстской, названной въ Россіи Екатериной II, и изъ его-то рядовъ выбрала Екатерина элементы для своего іезуитскаго ордена русской дипломатіи.

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, какъ дѣйствовалъ этотъ интернаціоналъ, какъ пользовался онъ непрерывно мѣняющимися цѣлями соперничавшихъ между собою державъ, для достиженія всегда неизмѣнной, никогда не теряемой изъ виду цѣли: всемірнаго господства Россіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ф. Энгельсъ.

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**

КНИГА ВТОРАЯ

АВГУСТЪ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

	Стр.
Отрывокъ изъ романа Степняка АНДРЕЙ КОЖУХОВЪ ,(переведе- но съ англійскаго).	4
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА (Объясча- ніе) Фридриха Энгельса.	42
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. (Статья вторая). Г Плеханова.. . . .	62

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И и послѣдніе выборы въ германскій рейхстагъ. П. Аксельрода.	1
1 МАЯ 1890 года. Г. Плеханова.	43
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	61
ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И РУССКОЕ ШПИОНСТВО	82

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА *)

(Продолженіе.)

II

Никогда еще положеніе дѣлъ въ Европѣ не было благопріятнѣе для завоевательныхъ плановъ русскихъ царей, какъ въ 1762 году, когда вступила на престолъ, послѣ убійства своего мужа, великая блудница, Екатерина II. Вся Европа была раздѣлена тогда семилѣтней войной на два лагеря. Англія, сломивши французскую силу на морѣ въ Америкѣ и въ Индіи, оставила безъ всякой помощи своего континентальнаго союзника, короля прусскаго. Этотъ послѣдній былъ на краю гибели, когда въ 1762 году на русскій престолъ вступилъ Петръ III, тотчасъ же прекратившій войну противъ Пруссіи. Фридрихъ II былъ спасенъ, но это спасеніе сдѣлало его слугою Россіи. Покинутый своею единственною союзницею, Англіей, враждуя съ Австріей и Франціей, истощенный семилѣтней борьбой за существованіе, онъ не могъ не броситься къ ногамъ новой русской царицы. Поступая такимъ образомъ, Фридрихъ пріобрѣталъ не одно только могущественное покровительство, но также виды на присоединеніе куска Польши, отдѣлявшаго Восточную Пруссію отъ остальной монархіи, а это присоединеніе стало главной цѣлью его жизни. 31 Марта (11 Апрѣля) 1764 года состоялся въ Петербургѣ между Екатериной и Фридрихомъ договоръ, тайною статьей котораго оба обязались охранять силою оружія отъ всякихъ реформъ польскую конституцію, являвшуюся лучшимъ орудіемъ разложенія Польши. Этимъ самымъ предрѣшался и будущій раздѣлъ королевства. Кусокъ Польши, брошенный Екатериной прусской цѣпной собацѣ, былъ подачкой, заставившей ее смиренно просидѣть цѣлое столѣтіе на русской цѣпи.

Я не буду входить въ подробности относительно перваго раздѣла Польши. Замѣчу однако, что этотъ раздѣлъ былъ произведенъ —

---

*) См. № 1 нашего Сборнѣя.

противъ воли старомодной Маріи Терезіи — тремя главнѣйшими столпами европейскаго „просвѣщенія“: Екатериной, Фридрихомъ и Іосифомъ. Два послѣдніе очень гордились своею государственной мудростью, позволявшей имъ относиться съ презрѣніемъ къ традиціонному предразсудку народныхъ правъ, но при этомъ имѣли глупость не видѣть, что участіе въ грабежѣ Польши отдавало ихъ съ руками и ногами во власть русскаго царизма.

Для Екатерины такіе „просвѣщенные“ сосѣди были чрезвычайно удобны. Просвѣщеніе служило въ восемнадцатомъ вѣкѣ такимъ уже лозунгомъ русскому царизму, какимъ въ девятнадцатомъ сдѣлалось „освобожденіе народовъ“. Ни одного грабежа, ни одного насилія или подавленія не дѣлалось русскими царями иначе, какъ подъ предлогомъ просвѣщенія, либерализма или освобожденія. И западно-европейскіе либералы, съ Гладстономъ во главѣ, до сихъ поръ съ дѣтской наивностью вѣрятъ этому, тогда какъ не менѣе наивные консерваторы непоколебимо вѣрятъ въ другія, одновременно пускаемыя въ ходъ официальной Россіей фразы о защитѣ законности, порядка, религіи, европейскаго равновѣсія и святости договоровъ. Русская дипломатія ухитрялась пускать пыль въ глаза сразу обѣимъ большимъ буржуазнымъ партіямъ Европы. Ей и только ей дозволяется быть вмѣстѣ легитимистскою и революціонной, консервативной и либеральной, православною и просвѣщенной, и все это однимъ духомъ. Совершенно понятно то презрѣніе, съ какимъ смотритъ русскій дипломатъ на „просвѣщенный“ Западъ.

За Польшей наступила очередь Германіи. Въ 1778 году Австрія и Пруссія вцѣпились другъ другу въ волосы за баварское наслѣдство и опять таки въ пользу никого другого, какъ Россіи. Екатерина была слишкомъ могущественна, чтобы добиваться, подобно Петру I, званія имперскаго князя; она стремилась стать относительно Германіи въ положеніе уже занятое въ Польшѣ, а здѣсь принадлежавшее Франціи, — въ положеніе защитницы конституціи отъ всякихъ реформъ и поручительницы за беспорядокъ въ Германской имперіи. И она достигла своей цѣли. По мирному договору, заключенному въ Тешенѣ въ 1779 году, Россія вмѣстѣ съ Франціей взяли на себя гарантію, какъ этого договора, такъ и всѣхъ подтвержденныхъ имъ прежнихъ мирныхъ трактатовъ, въ томъ числѣ Вестфальскаго — 1648 года. Этимъ было закрѣплено безсиліе Германіи, и сама она объявлена предметомъ, подлежащемъ въ будущемъ дѣлежу между Россіей и Франціей.

Не забыта была и Турція. Всѣ свои войны противъ этой державы Россія ведетъ въ такое время, когда у нея миръ на западной границѣ, а Европа занята чѣмъ нибудь у себя дома. Екатерина вела двѣ такихъ войны. Первая закончилась завоеваніемъ Азовскаго моря и независимостью Крыма, превращеннаго черезъ четыре года въ русскую провинцію. Вторая передвинула границу Россіи съ Буга на Днѣстръ. Въ обѣихъ войнахъ русскіе агенты подстрекали грековъ къ возстанію противъ Турціи, и само собою понятно, что оба раза возставшіе были, въ концѣ концовъ, оставлены русскимъ правительствомъ безъ помощи.

Во время американской войны за независимость Екатерина в первый раз формулировала для себя и своих союзников требование „вооруженного нейтралитета“ (1780 г.), ограничивавшего права английских военных судов в открытом морѣ. Это требование сдѣлалось съ тѣхъ поръ постоянной цѣлью русской политики и въ главныхъ чертахъ было признано Европой и самой Англiей при заключеніи Парижскаго мира 1856 года. Только американскіе Соединенные Штаты до сихъ поръ не обращаютъ на него вниманiя.

Взрывъ французской революціи былъ новымъ счастьемъ для Екатерины. Ни мало не опасаясь распространенiя революціонныхъ идей въ Россіи, она видѣла въ этомъ событіи лишь поводъ перессорить европейскія государства, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу. Послѣ смерти двухъ „просвѣщенныхъ“ друзей и сосѣдей царицы, ихъ наслѣдники : Фридрихъ-Вильгельмъ II прусскій и Леопольдъ австрійскій попытались держаться независимой политики. Революція дала Екатерину прекрасный случай, подъ предлогомъ борьбы съ республиканскою Франціей, снова приковать обоихъ къ Россіи и въ то же время прiобрѣсти новый кусокъ Польши, пока сосѣди будутъ заняты на французской границѣ. Пруссія и Австрія попались въ сѣти. Правда, Пруссія — разыгрывавшая съ 1787 по 1791 годъ роль союзницы Польши противъ Россіи — во время спохватившись, потребовала на этотъ разъ болѣе значительной доли въ польскомъ грабежѣ; пришлось также дать кусокъ Австріи, но тѣмъ не менѣе львиная доля снова досталась Екатерину : почти вся Бѣлороссія и Малороссія были теперь присоединены къ Великороссіи.

На этотъ разъ, однако, медаль имѣла и обратную сторону. Грабежъ въ Польшѣ отвлекъ силы коалиціи 1792 - 94 годовъ, ослабилъ ея борьбу противъ Франціи и далъ послѣдней время настолько окрѣпнуть, чтобы одержать побѣду. Польша пала, но ея сопротивление спасло французскую революцію, а съ этой революціей началось движеніе, противъ котораго безсиленъ и самый царизмъ. Мы, люди Запада, никогда не забудемъ Польшѣ этой заслуги. Впрочемъ, Польша, какъ мы скоро увидимъ, не одинъ разъ спасала европейскую революцію.

Въ политикѣ Екатерины ярко обозначились уже всѣ существенныя черты современной политики Россіи : присоединеніе Польши, при которомъ пришлось, однако, выдѣлить сосѣдямъ часть добычи ; превращеніе Германіи въ предметъ будущаго раздѣла ; Константинополь — величайшая, никогда не забываемая, медленно достижимая, главная цѣль ; завоеваніе Финляндіи для прикрытія Петербурга и вознагражденіе Швеціи Норвегіей, предложенное Екатериной Густаву III во Фридрихсгамѣ ; ослабленіе морского могущества Англии посредствомъ международнаго ограниченія ея правъ на морѣ ; возбужденіе возстаній среди христіанскихъ подданныхъ Турціи ; наконецъ, удачное соединеніе либеральной и реакціонной фразеологіи, которою, смотря по надобности, Россія дурачитъ падкихъ до фразъ „образованныхъ“ филистеровъ Западной Европы, такъ называемое, европейское общественное мнѣніе.

Во времени смерти Екатерины владѣнія Россіи превосходили уже

все, чего могъ требовать самый необузданный повинизмъ. Все, что носило русское имя — за исключеніемъ немногихъ австрійскихъ малороссовъ — находилось подъ скипетромъ наслѣдника Екатерины, который могъ теперь съ полнымъ правомъ называться *Всероссійскимъ* самодержцемъ. Россія не только завоевала путь къ морю, но овладѣла, какъ на Балтійскомъ, такъ и на Черномъ моряхъ, обширными берегами и многочисленными гаванями. Не только финны, татары, монголы, но также литовцы, шведы, поляки и нѣмцы находились въ числѣ русскихъ подданныхъ. Чего еще желать? Для всякой другой націи такія границы были бы предѣломъ ея роста. Для русской дипломатіи — русскую націю не спрашивали — это могущество было лишь основаніемъ для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній.

Французская революція утихла, породивши владычество Наполеона. Это оправдывало, повидимому, благоразумную мудрость русской дипломатіи, не пугавшейся гигантскаго народнаго возстанія. Побѣды Наполеона подготавливали ей случаи для новыхъ успѣховъ: Германія готовилась испытать судьбу Польши. Но Павелъ былъ упрямъ и капризенъ, на него невозможно было положиться; онъ ежеминутно портилъ игру дипломатіи; онъ былъ невыносимъ и долженъ былъ исчезнуть. Въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ легко нашлись исполнители; наслѣдникъ престола, Александръ, былъ въ заговорѣ и прикрылъ его; Павелъ былъ задушенъ, и тотчасъ же началась кампанія во славу новаго царя, который самымъ способомъ своего вступленія на престолъ обрекался на пожизненное рабство у іезуитовъ дипломатіи.

Эта послѣдняя предоставила Наполеону добывать Германскую имперію и довести до послѣдней степени господствовавшей въ ней безпорядковъ. Когда же дѣло дошло до разчета, Россія снова выступила впередъ. По Люневильскому мирному договору (1801 г.) Франція пріобрѣтала весь лѣвый берегъ Рейна, при чемъ нѣмецкіе князья, лишившіеся своихъ владѣній въ присоединенныхъ къ Франціи областяхъ, должны были получить вознагражденіе на правомъ берегу Рейна изъ земель духовенства: епископовъ, аббатовъ и проч. Россія выступила теперь со своей Тешенской гарантіей 1779 года и потребовала себѣ при раздѣлѣ вознагражденій голоса равнаго съ Франціей, второй державой, гарантировавшей разложеніе Германіи. Разъединеніе, жадность и низость нѣмецкихъ владѣтелей придали голосамъ этихъ поручителей рѣшающее значеніе. Дошло до того, что Россія и Франція выработали сообща планъ раздѣла земель духовенства между нѣмецкими владѣтелями, и что этотъ, составленный чужеземцами въ интересахъ чужеземцевъ, планъ былъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ возведенъ въ государственный законъ Германіи (*Reichsdeputations-Hauptschluss* 1803 г.)

Германская имперія была фактически разрушена, Австрія и Пруссія дѣйствовали теперь, какъ самостоятельныя европейскія монархіи, и подобно Россіи и Франціи видѣли въ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ добычу, подлежащую завоеванію. Какая судьба предстояла этимъ маленькимъ государствамъ? Пруссія сама была еще слишкомъ мала, слишкомъ молода, чтобы добиваться господства надъ ни-

ми, а Австрія только-что лишилась послѣднихъ остатковъ этого господства. Но Россія и Франція обѣ стремились воспользоваться наслѣдствомъ Германской имперіи. Франція разрушила силою оружія старую имперію; она давила на маленькія государства своимъ непосредственнымъ сосѣдствомъ вдоль всего Рейна; побѣдная слава Наполеона и французскихъ армій сдѣлала остальное, — и нѣмецкіе князья были у ногъ побѣдителя. А Россія? Именно теперь, когда цѣль ея вѣковыхъ стремленій казалась вполне достигнутой, когда стоило лишь протянуть руку, чтобы забрать раздробленную, смертельно усталую, безсильную и безпомощную Германію, — именно теперь Россія должна была смотрѣть, какъ корсиканскій выскочка уноситъ у нея добычу изъ подъ носу!

Русская дипломатія тотчасъ открыла походъ для пріобрѣтенія главенства надъ мелкими германскими владѣтелями. Что оно недостижимо безъ побѣды надъ Наполеономъ — это было очевидно. Слѣдовало, значитъ, переманить на свою сторону нѣмецкихъ владѣтелей и нѣмецкое общественное мнѣніе, по скольку о немъ могла быть тогда рѣчь. На князей дѣйствовали дипломаты, а филистеры обрабатывались посредствомъ литературы. Въ то время какъ русская лесть, угрозы, ложь и подкупъ въ изобиліи расточались при дворахъ, публика была заналена таинственными брошюрами, въ которыхъ доказывалось, что Россія является единственной страной, способной спасти Германію, взявши ее надъ свою могущественную защиту, и что она имѣетъ на это право, что она обязана это сдѣлать въ силу Тешенскаго договора 1779 года. Когда началась война 1805 года, всякій, кто не закрывалъ глазъ, долженъ былъ видѣть, что дѣло идетъ лишь о томъ, составятъ-ли мелкія государства французскій или русскій Рейнскій Союзъ.

„Судьба Германію хранила“, — русскіе и австрійцы были побиты при Аустерлицѣ, и новый Рейнскій Союзъ не сдѣлался форпостомъ царизма. Французское господство было, по крайней мѣрѣ, современнымъ и заставило нѣмецкихъ владѣтелей разстаться съ наиболѣе вопіющими безобразіями ихъ старыхъ порядковъ,

За Аустерлицомъ послѣдовалъ русско-прусскій союзъ, Іена, Эйлау, Фридландъ и Тильзитскій миръ 1807 года. Здѣсь опять выказались громадныя преимущества, которыя давало Россіи ея неприступное положеніе. Побитая въ двухъ походахъ, она пріобрѣла новыя области на счетъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ и соединилась съ Наполеономъ для раздѣла всего міра: Наполеону Западъ, Александру Востокъ!

Первымъ плодомъ новаго союза было завоеваніе Финляндіи. Заручившись согласіемъ Наполеона, русскіе начали наступленіе безъ всякаго объявленія войны. Раздоры между шведскими генералами, ихъ неспособность и подкупность обезпечили легкую побѣду; смѣлый переходъ русскихъ отрядовъ черезъ замерзшее Балтійское море вызвалъ насильственную смѣну короля въ Стокгольмѣ и уступку Финляндіи Россіи. Но черезъ три года, готовясь къ разрыву съ Наполеономъ, Александръ вызвалъ въ Або избраннаго наслѣдникомъ шведскаго престола маршала Бернадотта, и обѣщалъ ему Норвегію,

если онъ присоединится къ союзу Англіи и Россіи противъ Наполеона. Такимъ образомъ, въ 1814 году осуществился планъ Екатерины: вознаградить Швецію Норвегіей за Финляндію.

Присоединеніе Финляндіи было только прелюдіей. Главной цѣлью Александра оставался все тотъ же Царьградъ. Въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ Наполеонъ обѣщаль ему Молдавію и Валахію и подалъ надежду на раздѣлъ Турціи, изъ котораго предполагалъ, однако, исключить Константинополь. Съ 1806 года Россія вела войну съ Турціей и на этотъ разъ возстали не только греки, но также и сербы. Но то, что исторически говорилось о Польшѣ, было дѣйствительностью по отношенію къ Турціи: беспорядокъ ее поддерживалъ. Простой турецкій солдатъ, сынъ турецкаго крестьянина, могъ именно вслѣдствіе общаго беспорядка поправлять все, что было испорчено подкупными пашами. Турки бывали побиваемы въ сраженіяхъ, но не покорялись, и русская армія могла лишь медленно подвигаться къ Царьграду.

Вознагражденіемъ Франціи за свободу дѣйствій русскихъ на Востока было присоединеніе Россіи къ континентальной системѣ Наполеона и разрывъ всѣхъ торговыхъ сношеній съ Англіей, а этотъ разрывъ равнялся для тогдашней Россіи полнѣйшему разстройству ея торговли. Это было то время, когда Евгений Онѣгинъ узналъ изъ Адама Смита,

Какъ государство богатѣеть,
И почему не пужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣеть.

Тогда какъ, съ другой стороны,

Отецъ понять его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ.

Россія могла прибрѣтать деньги лишь посредствомъ морской торговли и вывоза своихъ сырыхъ продуктовъ на тогдашній главный рынокъ, въ Англію; а Россія того времени успѣла уже сдѣлаться слишкомъ европейской страной, чтобы обходиться безъ денегъ. Остановка въ торговлѣ становилась невыносимой. Экономія оказалась сильнѣе дипломатіи и царя, вѣстѣ взятыхъ; торговля сношенія съ Англіей потихоньку снова возобновлялись; тильзитскія условія были нарушены, и началась война 1812 года.

Наполеонъ съ соединенными арміями всего Запада перешелъ русскую границу. Пслыки, компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ, совѣтывали ему остановиться на Двинѣ и Днѣпрѣ, возстановить Польшу и дожидаться нападенія русскихъ. Такой военачальникъ, какъ Наполеонъ, не могъ не видѣть, что планъ былъ хорошъ. Но при головокружительной высотѣ и непрочному основаніи, на которыхъ онъ стоялъ, Наполеонъ не могъ уже предпринимать продолжительныхъ походовъ. Быстрые успѣхи, блистательныя побѣды, стремительно завоеванные мирные трактаты были ему необходимы. Онъ не послушался поляковъ, пошелъ на Москву и тѣмъ самымъ привелъ русскихъ въ Парижъ.

Уничтоженіе великой арміи при отступленіи изъ Москвы послужило сигналомъ ко всеобщему возстанію противъ французскаго владычества на Западѣ. Въ Пруссіи поднялся весь народъ и принудилъ трусливаго Фридриха Вильгельма III къ войнѣ противъ Наполеона.

Австрія тоже присоединилась къ Пруссіи и Россіи, какъ только покончила съ вооруженіемъ. Послѣ битвы при Лейпцигѣ отъ Наполеона отпалъ и Рейнскій Союзъ. Едва прошло 18 мѣсяцевъ со времени занятія французами Москвы, какъ Александръ вступалъ въ Парижъ повелителемъ всей Европы.

Турція, покинутая Франціею, заключила въ 1812 году въ Бухарестѣ миръ съ Россіей и уступила ей Бессарабію. Вѣнскій конгрессъ отдалъ Россіи Царство Польское, и ей съ этихъ поръ принадлежать девять десятыхъ бывшихъ польскихъ областей. Но гораздо больше значенія имѣло то положеніе, которое царь занялъ теперь въ Европѣ. На европейскомъ континентѣ онъ не имѣлъ болѣе соперниковъ. Австрія и Пруссія шли у него на буксирѣ. Французскіе Бурбоны были имъ посажены на престолъ и потому покорны. Швеція получила Норвегію въ залогъ дружелюбной политики. Даже испанская династія была обязана своимъ возстановленіемъ скорѣе побѣдъ русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ, чѣмъ побѣдамъ Веллингтона, который все же не могъ сломить французской Имперіи. Никогда прежде не достигала Россія такого могущественнаго положенія. Она вышла еще на нѣсколько шаговъ изъ своихъ естественныхъ границъ. Если для завоеваній Екатерины русскій шовинизмъ имѣлъ — не скажу справедливые — но все же болѣе благовидные предлоги, то по отношенію къ завоеваніямъ Александра о такихъ предлогахъ не могло быть и рѣчи. Финляндія остается финской и шведской, Бессарабія — остается румынской, конгрессовая Польша — польской страной. Здѣсь не могло быть и вопроса о соединеніи разсѣянныхъ, носившихъ русское имя, родственныхъ племенъ, — это было голое, насильственное завоеваніе чуждыхъ областей, простое хищничество.

III

Побѣда надъ Наполеономъ оказалась побѣдой европейскихъ монархій надъ французской революціей, послѣднимъ фазисомъ которой была имперія. Эта побѣда была отпразднована посредствомъ возстановленія старой „законности“. Но въ то время, какъ Талейранъ, изобрѣтатель „легитимизма“, надѣялся поддѣть своей фразой Александра, русская дипломатія съумѣла, наоборотъ, при помощи той же фразы водить за носъ всю Европу. Подъ предлогомъ защиты стараго законнаго порядка вещей былъ основанъ „Священный Союзъ“, это превращеніе русско-австрійско-германскаго союза въ заговоръ всѣхъ европейскихъ государей противъ народовъ и подъ предсѣдательствомъ русскаго царя. Другіе монархи вѣрили въ цѣли Священнаго Союза. Но мы сейчасъ увидимъ, какое значеніе придавали ему русскій царь и его дипломатія.

Для нея все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы воспользоваться приобрѣтенной въ Европѣ гегемоніей для приближенія къ Царьграду. Она могла употребить для этого три рычага: румыновъ, сербовъ и грековъ. Изъ нихъ греки были всего пригоднѣе. Это былъ

торговый народъ, а купцы всего болѣе страдали отъ турецкихъ пашей. Земледѣльцы - христіане находились подъ турецкимъ владычествомъ въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они сохранили свои старинныя учрежденія и полнѣйшее самоуправленіе; пока крестьянинъ вносилъ подати, турокъ не обращалъ на него по большей части ни малѣйшаго вниманія; лишь изрѣдка приходилось ему испытывать различныя насилія въ родѣ тѣхъ, какимъ подвергался въ средніе вѣка западно - европейскій крестьянинъ со стороны своего феодала. Это было унижительное, непрочное, но вовсе не угнетенное въ матеріальномъ отношеніи существованіе. Оно не противорѣчило тогдашнему культурному состоянію славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова, поэтому прошло не мало времени, прежде чѣмъ они открыли, что ихъ существованіе невыносимо. Между тѣмъ у грековъ, освобожденныхъ турецкимъ владычествомъ отъ подавляющей конкуренціи венеціанцевъ и генуэзцевъ, быстро развилась торговля и уже достигла такого значенія, при которомъ не могла больше выносить турецкаго господства. На самомъ дѣлѣ турецкое, какъ и всякое другое азіатское правительство, несовмѣстимо съ капиталистическимъ обществомъ; при немъ накопленная прибавочная стоимость не обезпечена отъ грабительскихъ рукъ сатраповъ и пашей; при немъ недостаетъ перваго основнаго условія буржуазнаго пріобрѣтенія: обезпеченности личности буржуа и его собственности. Не удивительно поэтому, что греки, сдѣлавшіе съ 1774 года уже двѣ попытки къ возстанію, поднялись теперь еще разъ. Греческое возстаніе представило такимъ образомъ нужный рычагъ, но для того, чтобы царская дипломатія могла свободно дѣйствовать этимъ орудіемъ, необходимо было предотвратить возможность вмѣшательства со стороны Запада, а для этого слѣдовало Западъ занять у него дома. Фразы о старомъ законномъ порядкѣ прекрасно подготовили почву. Старыхъ законныхъ монарховъ вездѣ уже успѣли возненавидѣть самымъ основательнымъ образомъ. Попытки возстановить до-революціонныя учрежденія вызвали вездѣ на Западѣ броженіе въ средѣ буржуазіи. Во Франціи и Германіи замѣчалось сильное возбужденіе, въ Испаніи и Италіи происходили открытыя возстанія. И во всѣхъ этихъ заговорахъ и возстаніяхъ дѣло не обходилось безъ участія царской дипломатіи. Не то, чтобы она ихъ дѣлала, или хотъ серьезно способствовала ихъ минутному успѣху, но черезъ своихъ негласныхъ агентовъ она создавала для официальныхъ союзниковъ Россіи всевозможные поводы къ безпокойствамъ за внутреннее состояніе ихъ странъ. Открыто Россія покровительствовала лишь тѣмъ изъ революціонныхъ элементовъ Запада, которые дѣйствовали подъ маской сочувствія грекамъ. Но кто же были филъ-эллины, собиравшіе деньги и посылавшіе въ Грецію вооруженные отряды волонтеровъ, какъ не карбонары и другіе либералы Запада?

Все это нисколько не мѣшало просвѣщенному Александру призывать на конгрессахъ въ Ахенѣ, Тропау, Лайбахѣ и Веронѣ своихъ коронованныхъ союзниковъ къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ ихъ непокорныхъ подданныхъ и посылать австрійцевъ въ 1821-мъ году для усмиренія революціи въ Италіи, а французовъ въ 1823-мъ году—

въ Испанію. Для виду Александръ осуждалъ даже и греческое возста-
ніе, раздувая его въ тоже время, и поощряя черезъ своихъ агентовъ
западно - европейскихъ филь - эллиновъ къ усиленной дѣятельности.
Снова глупая Европа была одурачена самымъ невѣроятнымъ обра-
зомъ; монархамъ и реакціонерамъ царизмъ проповѣдывалъ законный
порядокъ, либеральнымъ филистерамъ — освобожденіе народовъ и
просвѣщеніе, и ему вѣрили и тѣ и другіе.

Въ Веронѣ французскій министръ, романтикъ Шатобрианъ, былъ
совершенно очарованъ царемъ, который подалъ французамъ надежду
на пріобрѣтеніе лѣваго берега Рейна, если только они будутъ по-
слушно идти за Россіей. Этой надеждой, подкрѣпленной при Карлѣ
X положительными обѣщаніями, русская дипломатія водила и помо-
чала французскую въ ея восточной политикѣ съ небольшими пере-
рывами до самаго 1830 года.

Не смотря на все это, челоѣколюбивая политика царя, стремив-
шагося, подъ предлогомъ освобожденія греческихъ христіанъ отъ ма-
гометанскаго ига, стать на мѣсто магометанъ, не дала всѣхъ желан-
ныхъ результатовъ. Князь Ливенъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ,
писалъ (депеша отъ 18 (30) Октября 1825 г.), что „вся Европа съ
ужасомъ смотритъ на русскаго колосса, гигантскія силы котораго
могутъ ринуться на нее по первому знаку. Въ ея интересѣ, поэто-
му, поддерживать Турцію, какъ естественнаго врага нашего отече-
ства.“ Война въ Греціи продолжалась съ переменнымъ счастьемъ,
а между тѣмъ всѣ усилія Россіи получить согласіе Европы на заня-
тіе Дунайскихъ княжествъ, которое принудило бы Турцію къ капи-
туляціи, оставались безъ успѣха. Въ 1825 г. Турція получила, нако-
нецъ, помощь изъ Египта; греки были повсюду разбиты и возстаніе
почти подавлено. Русской политикѣ предстояло пораженіе, отъ кото-
раго она могла избавиться, лишь принявши сильное рѣшеніе.

Канцлеръ Нессельроде обратился за совѣтомъ къ своимъ послан-
никамъ. Поццо-ди-Борго въ Парижѣ (депеша отъ 4 (16) Октября 1825
года) и Ливенъ въ Лондонѣ (депеша отъ 18;30 Октября 1825 года)
высказались безусловно за энергическія мѣры: слѣдуетъ тотчасъ же,
не обращая вниманія на Европу, занять Дунайскія княжества, если-
бы даже это грозило Европейской войной. Таково было, очевидно,
мнѣніе всей русской дипломатіи. Но Александръ былъ вялъ, уто-
мленъ, настроенъ на мистически-романтическій ладъ, онъ былъ „un
grec du Bas-Empire“ (какъ называлъ его Наполеонъ) не только по
своей хитрости и неискренности, но также по нерѣшительности и
по отсутствію энергіи. „Легитимизмъ“ началъ казаться ему чѣмъ-то
серьезнымъ, а греческіе бунтовщики надоѣли. Праздный и въ то
время, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, почти неуловимый, разъ-
ѣзжалъ онъ по югу Россіи, какъ вдругъ пришло извѣстіе о его смер-
ти. Ходили слухи о ядѣ. Устранила-ли дипломатія сына, какъ когда-
то отца? Во всякомъ случаѣ онъ умеръ какъ нельзя болѣе кстати.

Въ Николаѣ дипломатія получила такого царя, лучше котораго не
могла желать. Для его ограниченной, унтер-офицерской натуры
вышній видъ власти былъ важнѣе всего, и дѣйствуя съ этой сторо-
ны, его можно было подвинуть на что угодно. Теперь было присту-

плено къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и подготовлена война съ Турціей безъ вмѣшательства со стороны Европы. Англія либеральными фразами, а Франція вышеупомянутыми обѣщаніями были приведены къ тому, что присоединили свои флоты къ русскому и среди мира, 20 Октября 1827 года, уничтожили при Наваринѣ турецко-египетскій флотъ. Англія, правда, скоро устранилась отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Турціи, но Франція Бурбоновъ осталась вѣрна Россіи. Въ то время какъ, по объявленіи войны, царскія войска 6 Мая 1828 г. перешли Прутъ, 15,000 французскихъ солдатъ готовились къ отплытію въ Грецію, гдѣ они и высадились въ Августѣ и Сентябрѣ того же года. Австрія могла видѣть изъ этого, что ея нападеніе на русскихъ во время ихъ похода къ Константинополю поведетъ за собою войну съ Франціей, и тогда войдетъ въ силу русско-французскій союзъ въ видахъ завоеванія Константинополя для одного, и — лѣваго берега Рейна для другого союзника. Дибичъ дошелъ до Адрианополя, но попалъ здѣвъ въ такое положеніе, что ему пришлось бы поспѣшно отступить за Балканы, если бы турки продержались еще хоть двѣ недѣли. У него было только 20,000 войска, изъ котораго четвертая часть заболѣла чумой. Посредничество прусскаго посла въ Константинополѣ, склонившаго турокъ къ миру при помощи ложнаго извѣстія о невозможномъ въ дѣйствительности наступленіи русскихъ, вывело Дибича, по словамъ Мольтке, „изъ положенія, которому достаточно было продлиться еще нѣсколько дней, чтобы съ вершины побѣды сбросить его на самое дно пораженія“. (Мольтке. Русско-турецкій походъ. стр. 390) Тѣмъ не менѣе, этотъ миръ далъ Россіи устья Дуная, кусокъ земли въ Азіи и новыя поводы непрерывно вмѣшиваться въ дѣла Дунайскихъ княжествъ. Эти послѣдніе превратились въ „заѣздную корчму“ русскихъ войскъ и до самой Крымской войны очень рѣдко были свободны отъ ихъ постоа.

Іюльская революція помѣшала немедленно воспользоваться приобрѣтенными выгодами. Теперь русскимъ агентамъ пришлось припрятать на время свои либеральныя фразы и остаться при одной защитѣ „законности“. Уже готовился походъ Священнаго Союза противъ Франціи, когда вспыхнуло польское возстаніе и на цѣлый годъ связало руки Россіи. Такимъ образомъ, Польша вторично, цѣною самопожертвованія, спасла европейскую революцію.

Я не буду говорить о русско-турецкихъ отношеніяхъ въ періодъ 1830-48 годовъ. Замѣчу только, что за это время Россія въ первый разъ выступила защитницей Турціи отъ ея возмущившагося египетскаго вассала, Махмета Али, и, пославши 30,000 войска на Босфоръ для защиты Константинополя, поставила затѣмъ Турцію договоромъ въ Хункиаръ-Тскелесси на нѣсколько лѣтъ подъ фактическое господство Россіи. Замѣчательно затѣмъ въ 1840 г. удачное превращеніе, вслѣдствіе измѣны Пальмерстона, грозной европейской коалиціи противъ Россіи въ коалицію противъ Франціи. Тѣмъ временемъ Дунайскія княжества дѣятельно готовились къ превращенію въ русскія провинціи при помощи непрерывнаго военнаго постоа, эксплуатаціи крестьянъ и оболъщенія бояръ посредствомъ „органиче-

скаго устана“ (см. Маркса „Капиталь“ часть I, глава VIII). Но главной задачей этого періода было завоеваніе и обрусѣніе Кавказа, покореннаго, наконецъ, послѣ двадцатилѣтней борьбы.

Тѣмъ временемъ царскую дипломатію постигла, однако, тяжелая неудача: когда великій князь Константинъ принужденъ былъ 29 Ноября 1830 года бѣжать изъ Варшавы, въ руки польскихъ инсургентовъ попалъ весь его дипломатическій архивъ, всѣ подлинныя депеши иностранныхъ министровъ и официальные копіи важнѣйшихъ депешъ посланниковъ. Вся работа русской дипломатіи 1825-30 гг. была обнаружена. Польское правительство черезъ графа Замойскаго переслало эти депеши въ Англію и Францію. По желанію англійскаго короля, Вильгельма IV, онѣ были въ 1834 г. обнародованы Давидомъ Урквартомъ. Это изданіе остается до сихъ поръ главнѣйшимъ и во всякомъ случаѣ неоспоримѣйшимъ источникомъ для исторіи тѣхъ интригъ, посредствомъ которыхъ царская дипломатія старается перессорить между собою западныя государства, чтобы господствовать надъ ними, благодаря ихъ раздорамъ.

Русская дипломатія пережила уже такъ много европейскихъ революцій, не только безъ вреда, но съ несомнѣнной пользой для себя, что могла привѣтствовать февральскую революцію 1848 г., какъ событіе безусловно благоприятное для ея цѣлей. Что могло быть, въ самомъ дѣлѣ, выгоднѣе для Россіи того обстоятельства, что революція, распространившись на Вѣну, устранила ея главнаго противника, Меттерниха, и разбудила ея предполагаемыхъ союзниковъ, австрійскихъ славянъ? Благопріятно было и возстаніе въ Берлинѣ, исцѣлившее слабаго Фридриха Вильгельма IV отъ всякихъ поползновеній къ независимости по отношенію къ Россіи. Сама Россія была совершенно обезпечена отъ заразы, а Польша связана такъ крѣпко, что не могла шевельнуться. Наконецъ, распространеніе революціи до Дунайскихъ княжествъ дало русской дипломатіи желанный случай сильнѣе закрѣпить здѣсь свое господство подъ предлогомъ возстановленія порядка въ Молдавіи и Валахіи.

Этого мало, Австрія, упорнѣйшая противница Россіи на границахъ Балканскаго полуострова, была приведена возстаніями въ Венгріи и Вѣнѣ на край гибели. Но побѣда венгерцевъ повела бы къ новому взрыву европейской революціи, а многочисленность поляковъ въ венгерскихъ войскахъ ручалась за то, что на этотъ разъ революція не остановится передъ польскою границей. Николай, поэтому, сыгралъ въ великодушіе. Онъ послалъ въ Венгрію многочисленную армію, подавилъ революціонное войско превосходными силами и тѣмъ закрѣпилъ пораженіе европейской революціи. А когда Пруссія все еще пыталась воспользоваться революціей для выдѣленія изъ Германскаго союза и объединенія подъ своей гегемоніей по крайней мѣрѣ сѣверо-германскихъ мелкихъ государствъ, Николай вызвалъ ее и Австрію передъ свой трибуналъ въ Варшаву и рѣшилъ тяжбу въ пользу Австріи. Не смотря на многолѣтнюю покорность Россіи, Пруссія была строго наказана за мимолетную и слабую попытку къ сопротивленію. Шлезвигъ-Гольштинскій вопросъ Николай также рѣшилъ противъ Германіи и назначилъ наслѣдникомъ датскаго престола Христіана Глюкс-

бургскаго, убѣдившись предварительно въ его пригодности для своихъ цѣлей. Не одна Венгрія, — вся Европа была у ногъ царя, и попала она въ это положеніе именно вслѣдствіе революціи. Не правали была русская дипломатія въ своемъ тайномъ пристрастіи къ революціямъ на Западѣ?

И тѣмъ не менѣ февральская революція была для русскаго царизма первымъ ударомъ похороннаго колокола. Мелкая душонка ограниченнаго Николая не могла вынести незаслуженнаго счастія; онъ слишкомъ поспѣшилъ съ выступленіемъ противъ Константинополя и вызвалъ Крымскую войну; Англія и Франція пришли на помощь Турціи, а Австрія горѣла желаніемъ, „удивить миръ величіемъ своей неблагодарности“. Она отлично знала, что въ благодарность за подавленіе Венгрии и за Варшавское рѣшеніе Россія ожидаетъ отъ нея нейтралитета или даже помощи въ своихъ завоеваніяхъ на Дунаѣ, а эти завоеванія равнялись обложенію ея границъ русскими провинціями отъ Кракова до Орсовы и Землины. И на этотъ разъ Австрія — чего съ ней никогда не случалось — имѣла смѣлость дѣйствовать сообразно со своими интересами.

Крымская война была сплошной и колоссальной комедіей ошибокъ, глядя на которую приходилось спрашивать себя: кто въ ней обманутый? Но эта комедія поглотила безчисленные капиталы и болѣе милліона человѣческихъ жизней. Едва только первыя союзныя войска высадились въ Болгаріи, австріицы вступили въ Дунайскія княжества, а русскіе отступили за Прутъ. Такимъ образомъ Австрія стала на Дунаѣ между обѣими воюющими сторонами, и продолженіе военныхъ дѣйствій въ этой области становилось невозможнымъ безъ ея согласія. Австрія была готова принять участіе въ войнѣ на западной границѣ Россіи. Она знала, что Россія никогда не проститъ ея черной неблагодарности и желала, поэтому, присоединиться къ союзникамъ, но лишь для серьезной войны, которая возстановила бы Польшу и значительно отодвинула бы западную границу Россіи. Къ такой войнѣ необходимо было привлечь также Пруссію; тогда, блокированная на сушѣ и на морѣ превосходными силами европейской коалиціи, Россія была бы неизбежно побѣждена.

Не таковы, однако, были намѣренія Англіи и Франціи. Обѣ онѣ радостно схватились за поступокъ Австріи, какъ за избавленіе отъ опасости втянутель въ серьезную войну. Россія желала, чтобы союзники отиравились въ Черное море и засѣли въ Крыму, это же самое Пальмерстонъ предложилъ Людовіку-Наполеону, который обѣими руками схватился за предложеніе. Идти изъ Крыма внутрь Россіи было бы стратегическимъ безуміемъ. Такимъ образомъ и ко всеобщему удовольствію война уступила мѣсто враждебнымъ дѣйствіямъ, совершавшимся лишь для виду. Но Николай не могъ вынести продолжительнаго занятія хотя бы и отдаленнаго края своего государства непріятельскими войсками; для него война для виду скоро снова превратилась въ серьезную войну, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень благоприятная для Россіи область военныхъ дѣйствій превратилась въ самую неблагоприятную. Всѣ выгоды Россіи въ оборонительной войнѣ: ея громадные пространства, рѣдкое населеніе, бѣдность и от-

сутствіе дорогъ обратились противъ нея, какъ только Николай началъ сосредоточивать всѣ военныя силы Россіи на одномъ изъ пунктовъ ея периферіи, вокругъ Севастополя. Южно-русскія степи, которыя должны были стать могилой непріятеля, оказались могилой для тѣхъ русскихъ армій, которыя Николай, со свойственной ему глупой и жестокой безпощадностью, посылалъ въ Крымъ одну за другой, — подъ конецъ даже среди зимы. И когда послѣдняя, наскоро собранная, едва вооруженная и плохо снабженная припасами армія потеряла въ походѣ двѣ трети своего состава, — при чемъ цѣлыя батальоны погибали во время мятежей, а слабыя остатки ея, достигшіе Севастополя, оказались неспособными къ серьезному нападенію, тогда Николай совершенно потерялъ свою пустую, надменную голову и спасся отъ послѣдствій своей маніи царскаго величія, принявъ ядъ.

Условія мира, послѣдно заключеннаго его преемникомъ, были очень умѣренны. Но тѣмъ значительнѣе были послѣдствія войны для внутренняго состоянія государства. Для абсолютнаго господства внутри Россіи, царизмъ долженъ былъ являться непобѣдимымъ и постоянно побѣдоноснымъ во внѣшнихъ сношеніяхъ; онъ долженъ былъ вознаграждать безусловное повиновеніе своихъ подданныхъ громомъ побѣдъ и постоянными завоеваніями. Теперь царизмъ надломился самымъ жалкимъ образомъ и при томъ въ лицѣ своего самаго напыщеннаго представителя. Онъ показалъ міру истинныя размѣры русской силы и тѣмъ самымъ показалъ самаго себя Россіи. Это вызвало громадное отрезвленіе. Во время войны царю пришлось слишкомъ усердно взывать къ народному самопожертвованію; русскій народъ былъ слишкомъ хорошо разбуженъ принесенными жертвами, чтобы немедленно вернуться къ прежнему пассивному и безсознательному повиновенію. Такое возвращеніе было уже невозможно, потому что и Россія, въ свою очередь, постепенно развивалась въ экономическомъ и умственномъ отношеніи; рядомъ съ дворянствомъ появились зачатки втораго образованнаго класса, — буржуазіи. Однимъ словомъ, новый царь принужденъ былъ разыгрывать либерала, но на этотъ разъ передъ русской публикой. Тѣмъ самымъ было положено начало внутренней исторіи Россіи, ея умственному движенію и отраженію этого движенія: общественному мнѣнію, очень слабому вначалѣ, но постоянно развивающемуся. У царской дипломатіи подрастаетъ противникъ, которому предназначено погубить ее, потому что дипломатія, подобная русской, возможна лишь до тѣхъ поръ, пока народъ остается совершенно пассивнымъ, не имѣетъ другой воли, кромѣ воли правительства, ни другаго призванія, кромѣ солдатской службы и уплаты податей для выполненія задачъ, поставленныхъ дипломатіей. Съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи началось внутреннее развитіе и появилась внутренняя борьба партій, завоеваніе конституціонныхъ формъ, въ которыхъ эта борьба можетъ идти безъ насильственныхъ потрясеній, стало простымъ вопросомъ времени. Но конституція положитъ конецъ и русской завоевательной политикѣ; неизмѣнное постоянство дипломатическихъ цѣлей исчезнетъ въ борьбѣ партій за господство; безусловное распоряженіе силами націи прекратится, —

Россія останется сильной въ самозащитѣ и относительно слабой въ нападеніи, но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ она сдѣлается такой же европейской страной, какъ и всѣ другія, и необычайная сила ея дипломатіи будетъ разрушена навсегда.

„La Russie ne boude pas, elle se recueille“ сказалъ канцлеръ Горчаковъ послѣ войны. Онъ и самъ не зналъ, какую онъ высказалъ истину. Горчаковъ имѣлъ въ виду только дипломатическую Россію. Но неофициальная Россія тоже „сбиралась съ мыслями“, и ей помогало въ этомъ само правительство. Война доказала, что Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности. Правительство принялось, поэтому, заботиться о размноженіи класса капиталистовъ. Но этотъ классъ не можетъ существовать безъ пролетаріата, и для образованія пролетаріата пришлось произвести такъ называемое освобожденіе крестьянъ. За свою личную свободу крестьяне заплатили дворянству лучшей частью принадлежавшей имъ земли. Того, что осталось было слишкомъ много, чтобы умереть съ голоду и слишкомъ мало для жизни. Когда, такимъ образомъ, русская крестьянская община была подорвана въ корнѣ, новая крупная буржуазія старательно выращивалась въ тепличной атмосферѣ желѣзно-дорожныхъ привилегій, покровительственнаго тарифа и всякихъ другихъ преимуществъ. Всѣмъ этимъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, была произведена полнѣйшая социальная революція, при которой не могло замереть разъ начавшееся умственное движеніе. Появленіе молодой буржуазіи отразилось въ либерально-конституціонномъ движеніи, возникновеніе пролетаріата — въ движеніи, обыкновенно называемомъ нигилизмомъ. Таковы были плоды „самоуглубленія“ Россіи.

Въ первое время дипломатія не замѣчала, повидимому, возникновенія своего внутренняго противника. Она праздновала, наоборотъ, одну внѣшнюю побѣду за другою. На Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. Орловъ игралъ главную роль, и вмѣсто жертвъ пріобрѣталъ новые усилья; военныя права на морѣ, на которыя Англія предъявляла притязанія и которыя оспаривались со временъ Екатерины русскимъ правительствомъ, были окончательно устранены, и основанъ русско-французскій союзъ противъ Австріи. Этотъ союзъ проявился въ 1859 году, когда Людовикъ-Наполеонъ принялся мстить Австріи за Россію. Мадзини раскрылъ въ это время планъ, по которому, въ случаѣ продолжительнаго сопротивленія со стороны Австріи, одинъ изъ русскихъ великихъ князей долженъ былъ явиться кандидатомъ на тронъ независимой Венгріи. Быстрымъ заключеніемъ мира Австрія избѣжала послѣдствій русско-французскаго договора. Между тѣмъ, Италія оказалась независимой и единой противъ воли, какъ царя, такъ и Людовика Наполеона. Начиная съ 1848 года народы постоянно портятъ работу дипломатіи.

Война 1859 года встряхнула также и Пруссію. Пруссія почти удвоила свою армію и поставила во главѣ управленія человека, который могъ потягаться съ русской дипломатіей, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: въ полнѣйшей неразборчивости въ выборѣ средствъ. Мы говоримъ о Бисмаркѣ. Во время польскаго возстанія 1863

года онъ съ театральной аффектаціей принялъ сторону царя противъ Австріи, Франціи и Англии, и сдѣлалъ все, чтобъ обезпечить побѣду Россіи. За это царь отступилъ въ 1864 году отъ обычной русской политики въ Шлезвигъ - Гольштинскомъ вопросѣ, и съ его дозволенія герцогства были отняты у Даніи. Во время австро - прусской войны 1866 года царь былъ очень доволенъ, какъ новымъ наказаніемъ Австріи, такъ и увеличеніемъ могущества Пруссіи, оставшейся вѣрной ему, не смотря на паники, полученныя въ 1849-50 годахъ. Война 1866 года повела за собою прусско-французскую войну 1870 года, и царь снова сталъ на сторону своего прусскаго „дяди молодца“; онъ парализовалъ силы Австріи и лишилъ Францію единственнаго союзника, который могъ бы спасти ее отъ полнѣйшаго пораженія. Но какъ Людовикъ - Бонапартъ въ 1866 году, такъ же точно и Александръ въ 1870 былъ обманутъ въ своихъ расчетахъ быстрыми успѣхами нѣмецкаго оружія. Вместо продолжительной, истощающей обѣ стороны войны, послѣдовали быстрые удары, и черезъ пять недѣль французская имперія пала, а ея армія отправлена плѣнными въ Германію.

Въ то время только одинъ Генеральный Совѣтъ Международнаго Общества Рабочихъ правильно понялъ положеніе дѣлъ. 9 - го Сентября онъ выпустилъ Манифестъ, гдѣ говорилось:

„Какъ въ 1865 году между Бонапартомъ и Бисмаркомъ, такъ въ 1870 между Горчаковымъ и Бисмаркомъ произошелъ обмѣнъ общими мнѣніями. Какъ Людовикъ Наполеонъ льстилъ себя надеждою, что война 1866 года, окончившись общимъ истощеніемъ Австріи и Пруссіи, сдѣлаетъ его рѣшителемъ судебъ Германіи, также точно Александръ надѣялся, что война 1870 года, истощивши Францію и Германію, отдастъ въ его руки судьбу всего континента. Какъ вторая французская имперія считала существованіе Северо - Германскаго Союза несовмѣстимымъ съ ея собственнымъ существованіемъ, такъ и царская Россія должна считать вреднымъ для себя существованіе Германской имперіи подъ предводительствомъ Пруссіи. Таковъ законъ старой политич. своей системы: выигрышъ однихъ всегда является потерей для другихъ. Преобладающее вліяніе царя въ Европѣ опирается на его традиціонную власть надъ Германіей. Може ли онъ спокойно вынести потерю своего значенія въ Европѣ въ такой моментъ, когда въ самой Россіи вулканическія социальныя силы грозятъ подорвать самыя основы абсолютизма? Московская пресса уже теперь повторяетъ рѣчи бонапартъ стскихъ газетъ послѣ 1866 года. Неужели нѣмецкіе шовинисты дѣйствительно думаютъ обезпечить миръ и свободу тѣмъ, что загонятъ Францію въ объятія Россіи? Если Германія, обольщенная военной славой, успѣхами и династическими интригами, допуститъ грабительское присоединеніе французской земли, ей останется только два пути: она должна будетъ сдѣлаться простымъ орудіемъ завоевательныхъ плановъ Россіи, или, послѣ небольшого отдыха, готовится къ „оборонительной“ войнѣ — но не къ модной „локализованной“ войнѣ новѣйшаго времени, а къ народной войнѣ противъ соединившихся славянскихъ и романскихъ племенъ!“

Новая Германская имперія оказала Россіи услугу, отнявши у Франціи Эльзась-Лотарингію, чѣмъ дѣйствительно загнала ее въ объятія Россіи. Царская дипломатія получала завидную возможность держать въ своей зависимости оба смертельно враждующія между собою государства. Она воспользовалась этимъ благопріятнымъ положеніемъ для новаго похода на Царьградъ, въ видѣ турецкой войны 1877 года. Послѣ долгихъ битвъ, въ Январѣ 1878 года русскія войска дошли уже до воротъ турецкой столицы, но внезапное появленіе въ Босфорѣ четырехъ англійскихъ броненосцевъ принудило побѣдителей остановиться въ виду главъ Софійскаго собора и представить свой Сан-Стефанскій договоръ на просмотръ европейскому конгрессу.

Тѣмъ не менѣе успѣхъ Россіи былъ, повидимому, громаденъ: Румынія, Сербія, Черногорія, увеличенныя и освобожденныя Россіей оставались у нея въ долгу; четырехугольникъ крѣпостей между Дунаемъ и Балканами, этотъ сильнѣйшій оплотъ Турціи, былъ, уничтоженъ; послѣднее прикрытие Константинополя, Балканы, отняты у турокъ и обезоружены; Болгарія и Восточная Румелія, формально вассалы Турціи, оказались въ дѣйствительности вассальными государствами Россіи; часть Бессарабіи, потерянная въ 1856 году, возвращена, и приобрѣтены новыя пункты въ Арменіи. Австрія, вслѣдствія занятія ею Босніи, сдѣлалась сообщницей въ раздѣлѣ Турціи и естественной противницей сербскихъ стремленій къ объединенію и независимости; наконецъ, Турція потеряла областей, истощеніемъ и неоплатной контрибуціей поставлена была въ такую полную зависимость отъ Россіи, что является, по совершенно вѣрному русскому замѣчанію, лишь временной хранительницей Босфора и Дарданеллъ для Россіи. Такимъ образомъ, Россіи оставалось, повидимому, лишь выбрать моментъ, въ который ей вздумается вступить во владѣніе главной пѣлюю своихъ стремленій. Константинополемъ—этимъ „ключемъ отъ ея дома“.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстояло не совсѣмъ такъ. Если Эльзась и Лотарингія бросили Францію въ руки Россіи, то русскіе виды на Константинополь и Берлинскій трактатъ отдали Австрію въ руки Бисмарка. А это измѣнило все положеніе. Великія военныя силы континента раздѣлились на два угрожающихъ другъ другу лагеря: Россія и Франція съ одной стороны, Германія и Австрія съ другой. Около нихъ группируются остальные, меньшія государства. Изъ всего этого выходитъ, что русскій царизмъ не можетъ сдѣлать послѣдняго рѣшительнаго шага и овладѣть Константинополемъ, не вызвавши громадной войны, шансы которой приблизительно равны для обѣихъ сторонъ, а исходъ будетъ зависѣть, вѣроятно, не отъ начавшихъ ее государствъ, а отъ Англій. Война Австріи и Германіи противъ Россіи и Франціи отрѣзала бы весь Западъ отъ подвоза русскаго хлѣба сухимъ путемъ. Всѣ западныя государства живутъ чужеземнымъ, привознымъ хлѣбомъ. Они могли бы тогда получать его лишь съ моря, превосходство же Англій на морѣ позволило бы ей оставить безъ хлѣба Францію или Германію, смотря потому, чью приняла бы она сторону. Но всемірная война за Константинополь, война, рѣшеніе которой находится въ рукахъ Англій—

это то самое положеніе, объ устраненіи котораго русская дипломатія хлопотала въ теченіе полутора ста лѣтъ. Это ея пораженіе.

Въ дѣйствительности и самый союзъ съ республиканской Франціей, безпрерывно мѣняющей личный составъ своего правительства, не особенно надеженъ для царизма и вовсе не соотвѣтствуетъ его сердечнымъ желаніямъ. Только возстановленная францужская монархія могла бы быть достаточно надежной союзницей въ войнѣ, которая при настоящихъ условіяхъ неизбежно приняла бы ужасающіе размѣры. Поэтому за послѣдніе пять лѣтъ Орлеаны находятся подъ особымъ покровительствомъ царя; они даже породнились съ нимъ черезъ бракъ съ датскимъ королевскимъ домомъ, составляющимъ русскій форпостъ на Зундѣ. Для подготовленія реставраціи Орлеановъ, произведенныхъ въ свою очередь въ русскій форпостъ во Франціи, былъ употребленъ генераль Буланже, приверженцы котораго сами хвастаются, что тайнственнымъ источникомъ денегъ, разбрасываемыхъ ими съ такой расточительностью, является, никто иной, какъ русское правительство, снабдившее ихъ *пятнадцатю милліонами франковъ* для веденія ихъ предпріятія. Такимъ образомъ, Россія снова вмѣшивается во внутреннія дѣла западныхъ государствъ, на этотъ разъ въ качествѣ открытой защитницы реакціи и направляетъ нетерпѣливый шовинизмъ французской буржуазіи противъ революціоннаго духа французскихъ рабочихъ.

Вообще, послѣ 1878 года стало замѣтно, какъ сильно испортилось положеніе русскій дипломатіи съ тѣхъ поръ, какъ народы стали все чаще, и при томъ съ успѣхомъ, позволять себѣ вмѣшиваться въ разговоръ. Ей ничего не удается теперь даже на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ Россія является *ex professo* освободительницей народовъ. Румыновъ, которымъ вмѣсто благодарности за помощь подъ Плевною, пришлось уступить свой кусокъ Бессарабіи, уже трудно прельстить теперь обѣщаніями относительно Семиградской области и Баната. Освобожденные болгары, испытавши всю прелесть присланныхъ къ нимъ царскихъ агентовъ, по горло сыты теперь подобнымъ способомъ освобожденія. Не протрезвились теперь еще только сербы и, въ особенности, греки, не находящіеся на прямомъ пути къ Константинополю. Австрійскіе славяне, освободить которыхъ отъ нѣмецкаго господства считало себя призваннымъ русское правительство, сами пользуются господствомъ, по крайней мѣрѣ въ Цислетанской части имперіи. Фраза объ освобожденіи народовъ всемогущимъ царемъ уже отжила свой вѣкъ, она годится теперь развѣ только для Крита или Арменіи, но, раздаваясь тамъ, она не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія въ Европѣ, даже на христіански-благочестивыхъ англійскихъ либераловъ; изъ за Крита или Арменіи не рискнетъ европейской войной, даже поклонникъ царя Гладстонъ, послѣ того, какъ американецъ Кэнанъ разоблачилъ передъ всѣмъ міромъ ту гнусность, съ которою царизмъ подавляетъ въ собственномъ государствѣ всякую попытку къ сопротивленію.

Здѣсь мы подходимъ къ главному пункту. Внутреннее развитіе Россіи съ 1856 года, поддержанное политикой правительства, оказало свое дѣйствіе; социальная революція сдѣлала гигантскіе успѣхи;

Россия съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе европейской страной; крупная промышленность, желѣзныя дороги, превращеніе всѣхъ натуральныхъ повинностей въ денежные и вмѣстѣ съ тѣмъ разложеніе старыхъ общественныхъ основъ, все это развивается въ Россіи съ возрастающей быстротою. Но съ тою же быстротою развивается и несомвѣстимость царскаго абсолютизма съ новымъ растущимъ обществомъ. Образуются оппозиціонныя партіи: конституціонныя и революціонныя, съ которыми правительство справляется лишь усиленной жестокостью. И русская дипломатія съ ужасомъ видитъ приближеніе того дня, когда заговоритъ русскій народъ, которому обсужденіе своихъ внутреннихъ дѣлъ не оставитъ ни времени, ни охоты заниматься ребячествами въ родѣ завоеванія Константинополя, Индіи или всемірнымъ господствомъ. Въ 1848 году революція остановилась на польской границѣ, теперь она стучится въ двери Россіи, а внутри у нее уже не мало союзниковъ, которые ждуть только случая отворить передъ нею эти двери.

Современное положеніе Европы опредѣляется тремя фактами: 1), Присоединеніемъ Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи, 2) стремленіемъ царской Россіи въ Константинополь. 3) сильно разгорающейся во всѣхъ странахъ борьбой между пролетариатомъ и буржуазіей, термометромъ которой служитъ растущее повсюду социалистическое движеніе.

Двумя первыми фактами обуславливается современная группировка Европы въ два большіе военныхъ лагеря. Присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи сдѣлало Францію союзницей Россіи противъ Германіи, царскія угрозы Константинополю дѣлаютъ Австрію и даже Италію союзницами Германіи. Оба лагеря готовятся къ рѣшительной борьбѣ, какой еще не видывалъ міръ, къ такой войнѣ, въ которой станутъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ отъ десяти до пятнадцати милліоновъ борцовъ. Только два обстоятельства мѣшаютъ до сихъ поръ взрыву этой ужасной войны: во первыхъ неслыханно быстрое развитіе техники, при которомъ каждый вновь изобрѣтенный образецъ оружія, оставляется позади еще болѣе новымъ изобрѣтеніемъ, прежде чѣмъ успѣваютъ ввести его хотя бы въ одной только арміи; во вторыхъ взрыву войны мѣшаетъ абсолютная невозможность рассчитать ея шансы, и отвѣтить на вопросъ: кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой гигантской борьбы?

Вся эта опасность всемірной войны исчезнетъ въ тотъ день, когда дѣла въ Россіи примутъ такой оборотъ, который позволитъ русскому народу поставить крестъ на традиціонной завоевательной политикѣ своихъ царей и заняться своими внутренними, въ высшей степени разстроенными жизненными интересами, вмѣсто того, чтобы носиться съ фантазіями всемірнаго господства.

Въ этотъ день Германія потеряетъ всѣхъ союзниковъ противъ Франціи, которыхъ загнала въ ея руки лишь опасность со стороны Россіи. Ни для Австріи, ни для Италіи нѣтъ ни малѣйшей выгоды

таскать въ пользу Вильгельма каштанъ изъ огня европейской войны. Тогда Германская имперія снова попадетъ въ изолированное положеніе — неизбежный результатъ ея политики, при которой, по словамъ Мольтке, каждый ее боится и никто не любитъ. Тогда взаимное сближеніе борющейся за свою свободу Россіи и республиканской Франціи будетъ соответствовать положенію обѣихъ странъ и не представитъ никакой опасности для общаго положенія Европы. Тогда и наслѣдникъ Бисмарка, кто бы онъ тамъ ни былъ, трижды подумаетъ прежде, чѣмъ рѣшится начать противъ Франціи войну, въ которой Россія не станетъ прикрывать его флангъ отъ Австріи, ни Австрія отъ Россіи, а обѣ будутъ радоваться его пораженію, при чемъ станетъ очень сомнительнымъ, справится-ли онъ даже съ одной Франціей. Въ такой войнѣ всѣ симпатіи были бы на сторонѣ Франціи и даже въ худшемъ случаѣ гарантировали бы ее отъ дальнѣйшаго грабежа. При подобныхъ условіяхъ Германская имперія скоро утомилась бы, по всему вѣроятію, своимъ изолированнымъ положеніемъ, и, вмѣсто войны, стала бы добиваться справедливой сдѣлки съ Франціей, чѣмъ устранила бы всякую опасность взрыва военныхъ дѣйствій. Тогда *Европа могла бы разоружиться* и больше всѣхъ выиграла бы отъ этого сама Германія.

Въ то же время Австрія потеряла бы единственное историческое оправданіе своего существованія — перестала бы играть роль оплота противъ нашествія русскихъ на Константинополь. Какъ только Россія перестанетъ угрожать Босфору, Европа потеряетъ всякій интересъ въ существованіи этого нестраго сборища народовъ. Также мало интересенъ будетъ тогда и весь такъ называемый восточный вопросъ, — вопросъ о продолженіи турецкаго владычества въ славянскихъ, греческихъ и албанскихъ странахъ, и споръ за обладаніе входомъ въ Черное море, котораго никто не станетъ тогда монополизировать противъ Европы. Венгерцы, румыны, сербы, болгары, арнауты, греки и турки получатъ впервые возможность разрѣшить свои споры безъ всякаго вмѣшательства посторонней силы, размежевать свои области и устроить по собственному разумѣнію свои внутреннія дѣла. Тогда сразу окажется, что главнѣйшимъ препятствіемъ къ автономіи и свободной группировкѣ народовъ и осколковъ различныхъ народовъ на пространствѣ между Карпатами и Эгейскимъ моремъ былъ никто иной, какъ тотъ же царизмъ, прикрывавшій свои планы всемірнаго господства фразами объ ихъ освобожденіи.

Франція будетъ тогда освобождена отъ неестественнаго, вынужденнаго положенія, въ которое ставитъ ее союзъ съ царемъ. Если царю противенъ союзъ съ республикой, то революціонному французскому народу еще противнѣе союзъ съ деспотомъ и палачемъ Польши и Россіи. Въ войнѣ, ведомой въ союзъ съ царемъ, для Франціи, въ случаѣ пораженія, было бы недоступно ея великое, единственно дѣйствительное средство спасенія — средство 1793 года: революція, подъемъ всѣхъ народныхъ силъ посредствомъ террора, революціонная пропаганда во враждебной странѣ. При первомъ употребленіи такихъ средствъ царь тотчасъ же перешелъ бы на сторону враговъ Франціи, такъ какъ съ 1848 года времена сильно измѣ-

вились и царь имѣлъ возможность лично познакомиться съ терроромъ въ самой Россіи. Союзъ съ царемъ не только не усиливаетъ Франціи, а, наоборотъ, онъ удержитъ ея мечъ въ ножнахъ въ моментъ величайшей опасности. Но еслибъ въ Россіи мѣсто всемогущаго царя заняло національное собраніе, тогда союзъ этой, только что освободившейся страны, съ республиканской Франціей былъ бы какъ нельзя болѣе понятенъ и естественъ; онъ способствовалъ бы революціонному движенію во Франціи вмѣсто того, чтобы мѣшать ему и былъ бы выгоденъ для борющагося за свое освобожденіе европейскаго пролетаріата. Франція, слѣдовательно, выиграла бы отъ паденія царскаго всемогущества.

Съ нимъ вмѣстѣ исчезли бы всѣ предлоги для безумныхъ вооруженій, превращающихъ всю Европу въ одинъ военный лагерь и заставляющихъ смотрѣть на самую войну почти какъ на избавленіе. Тогда самъ нѣмецкій рейхстагъ былъ бы роковымъ образомъ поставленъ въ необходимость прекратить постоянно растущія денежныя выдачи на военныя цѣли.

Тогда западъ, не отвлекаемый болѣе вмѣшательствомъ чуждой силы, могъ бы заняться своей современной исторической задачей: борьбой между пролетаріатомъ и буржуазіей и превращеніемъ капиталистическаго общества въ социалистическое.

Но паденіе абсолютизма въ Россіи имѣло бы также и прямое вліяніе на ускореніе этого процесса. Въ тотъ день, когда падетъ царское самодержавіе, эта послѣдняя крѣпость соединенной европейской реакціи, во всей Европѣ подуетъ совсѣмъ другой вѣтеръ. Это отлично знаютъ господа изъ „высшихъ сферъ“ Берлина и Вѣны; они знаютъ, что, не смотря на раздоры съ царемъ за Константинополь и проч., легко можетъ наступить такая минута, когда они охотно отдадутъ ему Константинополь, Босфоръ, Дарданеллы, — все, все, чего онъ потребуетъ, лишь бы онъ защитилъ ихъ отъ революціи. Поэтому, въ тотъ день, когда главная крѣпость реакціи, Россія, попадетъ въ руки революціи, реакціонныя правительства Европы лишатся всякаго слѣда самоувѣренности и спокойствія; предоставленные собственнымъ силамъ, они скоро узнаютъ, какъ мало уваженія внушаютъ эти силы. Отъ молодого Вильгельма можно ожидать попытки двинуть нѣмецкую армію для вѣстановленія царскаго авторитета, — но это было бы просто забавно.

Таковы причины, въ силу которыхъ западная Европа вообще и ея рабочая партія въ особенности чрезвычайно заинтересована въ побѣдѣ русской революціонной партіи и въ паденіи русскаго самодержавія. Европа съ ускоряющейся быстротою скользитъ по наклонной плоскости на встрѣчу войнѣ неслыханныхъ размѣровъ и напряженія. Ничто не можетъ остановить ее, кромѣ перемѣны правленія въ Россіи. Что такое измѣненіе произойдетъ въ недалекомъ будущемъ, — это несомнѣнно. Лишь бы только оно произошло своевременно, прежде чѣмъ совершится то, что безъ нея неизбежно.

Ф. Энгельсъ.